

ГЕНИЙ НА ВТОРЫХ РОЛЯХ

Независимая газ. —
1999 — 3 марта. — с. 7.

Исполнилось 165 лет со дня рождения балетмейстера Льва Иванова

Майя Крылова

В КОНЦЕ жизни Лев Иванович Иванов, заливая пожар души традиционным народным средством — водкой, подводил итоги и писал краткие мемуары. В них — горячая любовь к своему делу (приписка жены о дне смерти: «...был дома, страдал болезнью склероза легких, все время говорил и говорил о балете») и ощущение неполной востребованности. «Боже мой, Боже мой, сколько тут потрачено силы, сколько прочувствовано и испорчено крови из-за уязвленного самолюбия, из-за униженного человеческого достоинства, но такая жизнь вообще артиста и все-таки, этот взгляд назад и эти воспоминания мне очень приятны...»

Иванов имел редкую для человека искусства психику. Он всю жизнь недооценивал себя. Искренняя скромность лишала умения отстаивать свои интересы в жестком мире театрального закулисья. Через десять лет после смерти Иванова его вдова, танцовщица Варвара Мальчугина, сделала запись в его воспоминаниях: «Много вынес несправедливости Мариуса Петипа...» Сегодня Иванов признан великим в профессиональной среде, но в публике, среди балетных зрителей (не говорю, конечно, о балетоманах) его знают смутно. Расклад, сложившийся при жизни обоих, продолжается и по сей день: Иванов — в тени блеска властного Мариуса. Всю жизнь подхватывая для собственного творчества куски с постановочного «стола» начальника — Иванов оставил для грядущего совсем немного. Многие постановки не сохранились, большая часть наследия не выдержала проверки временем: гений Иванова часто давал сбои или дремал, тогда балетмейстер делал спектакли-однодневки. Но иногда что-то случалось с тихаишим, неуверенным в себе Львом Ивановичем. В нем пробуждалось качество, которое нельзя назвать иначе, как «интуиция», и тогда рождались шедевры. Мы хорошо знаем лишь один, но он дорогого стоит. Это второй, «белый», акт балета «Лебединое озеро». Сцены на озере, когда Принц и Одетта находят и узнают друг друга в окружении девушек-лебедей, все построения, переходы и хореографические тонкости сохранило в неизбытке не одно поколение постановщиков и редакторов балета. По ходу истории на музыку Чайковского сочинялись совсем другие, неакадемического толка спектакли, в классическом «Лебедином озере» подправлялись мизансцены, досочинялись новые танцы, но — до недавнего времени — ни у кого не поднималась рука на ивановскую хореографию. Потому что к ней можно отнестись слова, сказанные критиком Акимом Волынским о другом шедевре Иванова, танце снежных хлопьев в «Щелкунчике»: «Менять тут нечего даже талантливому человеку... Тут каждой мелочью нужно дорожить, как заветным сокровищем. Тут все неприкосновенно». (Самым «смелым» оказался Владимир Васильев: в спектакле Большого театра он перекроил по своему

разумению хореографию Иванова.)

На сцене Иванов дебютировал в 1850 году — и сорок три года тянул лямку солиста. Карьера танцовщика вроде бы сложилась: роли «второго плана», а периодически и главные, — доставались часто, но бессистемно, без учета амплуа, и не всегда радовали. Хотя Иванов не только много танцевал, но и со временем стал преподавать в театральном училище (хорошим педагогом он не был — мешал слишком добрый и ленивый характер), «весь его заработок в театре и школе был меньше, чем получал Петипа за одни только уроки». Всю жизнь он вынужден был писать «покорнейшие прошения» дирекции императорских театров, унижаться, вымаливать прибавки к жалованью.

Он был необычайно музыкален, и его сослуживец танцовщик Ширяев вспоминал, как

творцом для себя. Спектакль получился у Иванова нервным, но об упомянутом выше танце снежинок из этого балета знатоком не зря сказано: с ним «по изяществу, осмысленности и законченности каждого штриха может поспорить разве что пушкинский стих».

Не сохранились полыецкие пляски из оперы «Князь Игорь», но хорошо известно, как щедро черпали из ивановской хореографии последующие постановщики этих плясок. Не дошла до нас хореография Второй рапсодии Листа, где Иванов продолжил — на совершенно другом музыкально-эмоциональном, с венгерской характерностью, материале — эксперименты по созданию «симфонического танца», начатые в «Лебедином озере». Судя по сохранившимся описаниям, это был «последний шедевр» Иванова. А хронологически последним — и неудачным — его

Лев Иванович Иванов, балетмейстер.

однажды «Антон Григорьевич Рубинштейн проигрывал в репетиционном зале свой балет «Виноградная лоза». Не успел композитор покинуть зал, как Иванов сел за рояль и по слуху воспроизвел почти всю музыку Рубинштейна». Это качество пригодилось, когда в 1882 году Иванов был назначен вторым балетмейстером. Ему вменили в обязанность ставить танцы в операх и драмах, готовить небольшие балеттики для Красносельского и Каменноостровского театров, а неофициально — ставить все, что не мог или не хотел делать «главный балетмейстер». Сцены из «Лебединого озера» появились только потому, что Петипа заболел. То же было с «Щелкунчиком», где Иванов был вынужден работать согласно жесткому сценарному плану, разработанному другим

балетом была «Сильвия» на музыку Делиба. В конце 1901 года хореограф умер.

В одной из позднейших статей о Льве Иванове цитировались слова поэта Батюшкова: «Я похож на человека, который не дошел до цели, а нес он на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги. Поди узнай, что в нем было». Но XIX век символически закончился — 31 декабря 1900 года — спектаклем «Лебединое озеро». И «подобно Московскому художественному театру, сохраняющему на занавесе эмблему русской драматургии — чеховскую чайку, балетный театр мог бы поставить на своем занавесе эмблему русской хореографии — белого лебедя Чайковского и Льва Иванова» (Вера Красовская).